

УДК 37
AGRIS C10

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/42/74>

**ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ «КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ»
ВЫПУСКНИКАМИ АГРОУНИВЕРСИТЕТА**

©Поляруш А. А., ORCID: 0000-0003-4586-6548, SPIN-код: 9178-5487, канд. пед. наук,
Красноярский государственный аграрный университет,
г. Ачинск, Россия, poly-albina@yandex.ru

**PHILOSOPHICAL AND PEDAGOGICAL UNDERSTANDING
UNIVERSAL COMPETENCE 'CRITICAL THINKING'
GRADUATES OF THE AGRARIAN UNIVERSITY**

©Polyarush A., ORCID: 0000-0003-4586-6548, SPIN-code: 9178-5487, Ph.D.,
Krasnoyarsk State Agrarian University, Achinsk, Russia, poly-albina@yandex.ru

Аннотация. Критическое мышление, которое должно выступать формой сознания выпускника агроуниверситета, в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по соответствующему направлению подготовки, требует определенных критериев, которые до сих пор в общественном сознании не выработаны. В статье анализируются два противоположных подхода к этой проблеме: позитивистский и диалектический. Показана роль философских дисциплин уровней бакалавриата и магистратуры направления подготовки Агроинженерия в формировании критериев критического мышления. Особое внимание уделено принципу фальсификации Поппера и его критике с позиций диалектической логики Гегеля. Материал статьи адаптирован к образовательному процессу направления Агроинженерия: учтено то обстоятельство, что дисциплина логика, как правило, не включена в учебные планы данного направления.

Abstract. Critical thinking, which should be a form of consciousness of a graduate of the Agrarian University, requires certain criteria that have not yet been developed in the public consciousness. The article analyzes two opposing approaches to this problem: positivist and dialectical. The role of philosophical disciplines at the undergraduate and graduate levels in the field of preparation of agroengineering in the formation of critical thinking criteria is shown. Particular attention is paid to the principle of falsification of Popper and his criticism from the standpoint of Hegel's dialectical logic. The material of the article is adapted to the educational process of the direction of Agroengineering: the fact that discipline of Logic, as a rule, is not included in education plan of this direction.

Ключевые слова: позитивизм, неопозитивизм, постпозитивизм, демаркация, верификация, фальсификация, догматизм, диалектика, метафизика, противоречие, глобальный эволюционизм.

Keywords: positivism, neopositivism, postpositivism, demarcation, verification, falsification, dogmatism, dialectics, metaphysics, contradiction, global evolutionism.

Критическое мышление в современном мире с его небывалыми темпами развития науки и техники стало настолько актуальным феноменом, что требование его формирования включено в новые образовательные стандарты высшего образования в качестве универсальной компетенции, несмотря на известный консерватизм этой сферы деятельности. Так, в Стандартах направления подготовки магистров 35.04.06 Агроинженерия в категорию универсальных компетенций «Системное и критическое мышление» включена универсальная компетенция «способность осуществлять критический анализ проблемных ситуаций на основе системного подхода, вырабатывать стратегию действий». Однако критерии этой компетенции, как, впрочем, и всех многочисленных других, в Стандартах не указываются. И было бы наивно полагать самую возможность четкого и глубокого по содержанию определения критического мышления в условиях господства неопозитивизма и постнеклассической рациональности в науке и образовании.

Данное исследование не ставит перед собой задачи определить эти критерии (это было бы слишком самонадеянно), но, следуя диалектической традиции, по Э. В. Ильенкову, создать «духовную репродукцию предмета (критического мышления), реконструировать его саморазвитие, воссоздать его в логике движения понятий». Дисциплины: философия, философия науки, логика и методология науки, включенные в Учебный план подготовки бакалавров и магистров направления Агроинженерия своим содержанием предоставляет возможность реализовать эту задачу.

Вся богатая и напряженная история развития философской мысли была обусловлена именно глубиной критического мышления. По сути, дихотомия в основаниях критического мышления была генерирована еще Платоном и Аристотелем, выражавшаяся пока еще в смутном противопоставлении диалектики и позитивизма.

Новое время обогатило философию тем, что критика становится центральным звеном философской теории. Эту линию заложил И. Кант, на основе критического осмысления ограничивший интеллектуальные способности человека. «Критика чистого разума» Канта разводит по разные стороны формальную и диалектическую логику, тем самым заложив основы противостояния позитивизма и диалектической философии. Абсолютно справедливо Кант утверждает, что познание всегда сопряжено с борьбой противоположных идей, столкновением теорий. Это обстоятельство связано с тем, что человек, в отличие от животного, попадает в плен многовариантности решений в силу специфического способа отражения мира — сознания. Отрицание этого факта бессмысленно. Вместе с тем критика противника должна служить средством самосовершенствования разума, но это возможно лишь при условии самокритичности, отказа от «параноического» и догматического упрямства.

Честный и верный своим нравственным принципам, Кант вынужден был признать и ввести диалектику как естественную и абсолютно необходимую форму интеллектуального развития в логику. Ту диалектику, которая не умещалась в сознании философов, потому что представлялась искусственным нагромождением «понятий», в отличие от аристотелевой логики, где все понятия четко определены и имеют свои «ячейки» в мыслительных схемах. Диалектика и логика с этого момента сливались в единый образ, а проблема противоречия в составе развивающегося знания превращалась в центральную логическую проблему. «Критика чистого разума» для Канта не значила отлучение познания от диалектики. Философ остро осознавал, что диалектические парадоксы в процессе познания коренятся не в вещах, а в свойствах познающей субъективности. Эта остро зафиксированная Кантом ситуация послужила отправной точкой для дальнейших поисков философской мысли в области Логики [1]. Предваряя рассуждения о принципе фальсификации, заметим, что К.

Поппер обосновал свой принцип не на свойствах интеллекта, а на фактологическом материале.

Критически осмыслив философию Канта, Гегель видит в ней «рациональное зерно» в том, что формальная логика дает лишь ограниченно-верное описание мышления, лишь его формальные (внешние) признаки. Предметом Логике как науки должно стать реальное мышление, т.е. приведение теории мышления в согласие с ее реальным предметом. Теория познания должна быть преобразована. Ее задачей должно стать верное описание того процесса, что мышление делает на самом деле, — то есть реальный процесс преобразования природы на основе познанного, воплощенного в технике, научных теориях, социальной жизни людей. Гегель, выражая свое критическое отношение к философии Шеллинга, а позднее Шопенгауэра и Бергсона, которые видели причину неадекватного отражения мира в ущербности мышления, утверждает, что беда не в ущербности мышления, а в крайней ограниченности того «сознания», которое имеет о себе самом реальное мышление, — то «сознание» или «самосознание» мыслящего духа человечества, которое догматически-схоластически представлено традиционной «логикой».

К. Маркс принимает и разделяет диалектическую логику Гегеля, однако подвергает критике место практики в его системе: мышление — практика — мышление. У Маркса же — наоборот: практика — мышление — практика. Этим-то и отличается идеалистическое мышление от материалистического.

Ильенков: «Нетрудно заметить, что и там и здесь получаются циклы, и движение каждый раз возвращается к своему началу, но обогащенное результатами своего «отчуждения», своего «превращения в свое иное». У Гегеля это — «чистое мышление», обогащенное уроками своего пространственно-временного «воплощения», своего «грехопадения», у Маркса же — реальная власть человека над природой, обогащенная уроками своего теоретического осмысления, анализа своих успехов и неудач» [1]. При всех различиях этих циклов закономерность общая: объективной основой циклического движения выступают законы диалектики. Как видим, каждый последующий этап развития философской мысли берет за основу центральную проблему предыдущего и направлен на выявление истины через актуализацию и осмысление противоположного момента философских конструкций предшественников.

Раскрывая сущность развития философских воззрений от Канта до Маркса, можно с полным основанием утверждать, что это образцы критического мышления. По-другому и быть не могло: именно диалектическое мышление — через его центральную категорию единства противоположностей — имплицитно предполагает и побуждает к критическому мышлению. Диалектическая философия утверждает не искусственную, не надуманную критику ради утверждения превосходства какой-либо теории, а критику умную, конструктивную, обогащающую и совершенствующую способ познания.

Приведенные рассуждения характеризуют логику развития философской мысли, вдумчивой, многовековой, несуетливой, направленной на постижение истины, скрытой в содержании и собственной диалектике вещей.

Наука, стремительно ворвавшись в размеренное человеческое бытие в 17 веке, также встала перед проблемой критериев. Что является демаркационной линией между наукой и не наукой?

Конструктивная критика должна базироваться на разработанных и бесспорно принятых всем научным сообществом критериях. Но сама система критериев неоднократно подвергалась и подвергается сомнению. Одни формы позитивизма и классики сменялись другими в мучительных поисках критерия научности. В ситуации отсутствия критериев

невозможна выработка никакого образца научной деятельности. Зато подобная ситуация открывает простор для «мнений», схваток на платформе политических, культурных, экономических и прочих факторов, далеких от разумных. Критика, направленная на преодоление ошибок, недостатков, без критериев принципиально невозможна. Достаточно вспомнить спор между известными философами науки Т. Куном и К. Поппером. Проблема демаркации между наукой и не-наукой вышла на первый план в логико-методологических и метанаучных исследованиях, сильнейшим стимулом к ее постановке была общая политическая ситуация в мире, разодранном на части противоборствующими идеологиями, за ширмами которых устраивались режимы, стремившиеся к мировому господству. Наука и научное знание, некогда полагаемые орудиями Благого и Нравственного Разума, использовались как средства достижения технологического и военного перевеса. Но эксплуатировались не только достижения, но и доброе имя науки [2].

Принцип фальсификации для Поппера — это истинная форма критического мышления, следовательно, ядро рационального мышления. Этот вывод следует из формально-логического закона: если абсолютной истины нет, то заблуждение приобретает равный с ней статус. Но, в скобках, заметим, что тут же возникает вопрос о критериях рационального мышления. Совершенно противоположную позицию по отношению проблемы истины занимает диалектическая философия: абсолютная истина недостижима по причине ее относительности к уровню развития знаний на определенном этапе развития способов познания.

Теория критического мышления, несмотря на ее острую востребованность философией и наукой, не обрела до сих пор даже каких-либо четких контуров, в которых обозначился бы единый подход. Это не значит, что эта теория впала бы в трансцендентальный идеализм Канта. Надо признать, что строгой теории критического мышления не будет разработано, до тех пор, пока ее разработкой будут заниматься философы науки, отвергающие «метафизику».

В современную эпоху, по мнению И. Н. Грифцовой и Г. В. Сорокиной, существует несколько различных подходов к анализу критического мышления. Один из них — так называемый «дидактический», оформленный как учебная дисциплина в ряде стран Запада. Теоретической основой этой дисциплины выступает формальная логика Аристотеля: операции с понятиями, выявлять ошибки в формальной структуре суждения или силлогизма [3].

Отметим, что ныне действующие Федеральные государственные образовательные стандарты, ориентированные на Болонский процесс, остаются на уровне формальной логики, требуя от обучающихся «умение определять понятия, создавать обобщения, устанавливать аналогии, самостоятельно выбирать основания и критерии для классификации, строить логические рассуждения, умозаключения».

Рассуждения о механизмах конституирования концептуальной основы критического мышления приводят современных философов науки к теории аргументации, неформальной логике, обозначаемым как формы критического мышления. Однако «выделение трех основных оценок: приемлемость посылок, релевантность посылок заключению и «вес», достаточность посылок» — остается в плену формальной логики, несмотря на то, что авторы метода противопоставляют свой метод формальной логике. Сами критерии размежевания, демаркация формальной и неформальной логики искусственны: отличия заключаются лишь в степени абстрагирования от дескриптивных терминов. Фреге: «Задача логики не может состоять в том, чтобы следовать языку и выяснять, что заключено в языковых выражениях... Главная задача логики состоит в освобождении от языка и в упрощении» [4]. Новизна

неформальной логики заключена во «внимание к рассуждениям, выраженным в естественном языке, с присущими им естественной многозначностью, неопределенностью, незавершенностью» [5]. Теория аргументации базируется на тех же основаниях — трюкачество в рамках формальной логики, логики языка. И все это, так называемое «критическое мышление», бьется в лишь пределах языковой формы. Вместе с тем содержанием сознания является мышление. По прямой связи первично мышление. И если критическое мышление рассматривать как главный элемент в структуре функций сознания, а не анализ познавательных способностей, то приходится признать, что неформальная логика и теория аргументации — это всего лишь некоторые модификации позитивизма, и к мышлению – содержанию сознания, отражающему сущность предмета, — имеют лишь формальное отношение. Позитивистский характер неформальной логики прослеживается во всех ее определениях, где в качестве главного видового признака выступает практический характер логики, «дающей людям инструмент для распознавания правильных и неправильных рассуждений». Прагматическая направленность «неформальной логики», «аргументации», «теории рассуждений», «решения проблем», «принятия решений» и прочих новых модификаций критического мышления — это их главный критерий, это то основание, которое отличает формальную логику от неформальной [5]. Вся беда в том, что критическое мышление через запятую перечисляется с неформальной логикой теорией аргументации и прочими «теориями» и «логиками». Если воспользоваться услугами формальной логики, то у этих понятий отсутствуют даже общие родовые признаки.

Помимо «дидактического» подхода к анализу проблемы критического мышления, А. Н. Шуман предлагает «комплексный», включающий в себя креативное мышление. Если критическое мышление — это четкий алгоритм мыслительных операций, то креативное мышление отбрасывает стандартные схемы. Креативное мышление представляет собой врожденную способность, которой трудно научиться. Вместе с тем автор признает, что креативное мышление основано на критическом. Создавая иллюзию всестороннего анализа критического мышления, автор выделяет аспекты (систематичность, комплексность, последовательность в суждениях, мультиперспективность, метакогнитивность, доступность обучению); формулирует два принципа критического мышления (принцип минимализма и принцип универсализма). По мнению автора, критическое мышление должно строиться на рассуждении, которое представляет собой речь. К речи предъявляются требования: она должна иметь атрибутивный, информативный, аргументированный и убедительный характер. Далее автор выделяет три уровня в рассуждении: синтаксический, семантический, прагматический; три уровня критического мышления: дедуктивный, вероятностный и диалектический. Третий уровень, диалектический, подразумевает способность субъекта убеждать оппонентов в правильности собственной точки зрения. Одним словом, представленная попытка определения критического мышления представляет собой своеобразную интерпретацию софистики. Отсутствие содержательной основы, эклектическое смешение структурных, содержательных, иерархических элементов лишь отдаляет от прояснения рассматриваемой проблемы и добавляет оптимизма оппонентам.

В качестве понятия, противоположного критическому мышлению, у В. Н. Брюшинкина выступает «догматическое мышление», которое устанавливает окончательные истины, не подвергаемые пересмотру. Критическое мышление, в противоположность догматическому, всегда готово к пересмотру утвердившихся взглядов на вещи. Таким образом, автор за основу критерия критического мышления берет готовность к пересмотру традиционных установок. Очевидно, с таким односторонним подходом нельзя согласиться [5]. Разумеется, в современной философии науки (позитивизме) сложилось многообразие определений понятия

«критическое мышление, особенно среди, как отмечалось выше, среди западных философов, психологов, лингвистов, математиков: Бэйлин и Бэттерсби (2010), Хэтчер и Спенсер (2006): Джонсон (2014), Липман (1988), Фишер и Скривен и многие другие, и в отечественной литературе тоже достаточно часто фигурируют имена теоретиков, занимающихся данной проблемой. Однако все эти многочисленные попытки хоть как-то обозначить смысловые стержни критического мышления при всем своем формальном многообразии едины по сути — они представляют собой бесконечные варианты позитивизма, основанного только на здравом смысле, на наблюдаемых фактах эмпирической реальности «и не ведающем о действительной форме ума: здравый смысл бессознательно и некритично возводит себя во всеобщую форму и потому всегда мнит себя истинным», по выражению Г. В. Лобастова [6].

Способность различать противоположности в любом предметном содержании: истину от лжи, всеобщее от особенного, необходимое от случайного, форму от содержания, сознание от инстинкта и т. д. — это составляет всеобщее, универсальное в составе субъективности. И в каждом особенном содержании человеку как раз и необходима способность различения этих форм. Эту мысленную операцию проделывает сознание. Тут-то и проявляется самокритика.

Диалектическая философия представляет критическое мышление как, прежде всего, критическое осмысление собственных суждений — анализ всесторонний, системный, основные идеи которого были генерированы Г. Гегелем. Таким образом, устанавливается единство системного и критического мышления. Это закономерно: диалектика — наука о всеобщей связи. Измените условия — и свойства вещи изменятся на противоположные. Как говорил Гегель, природа не виновата, человек не видит в ней противоположностей, а виноват его рассудок, дремлющий на подушке лени.

Рассудочное мышление не в состоянии осознать, принять самую основу диалектики — ее отрицательность, негативность. Позитивизм как выразитель «здравого смысла» всегда положителен. Разум же, в отличие от рассудка, отрицателен. Гегель: «Сущность есть определенное отрицание ... Истина достигает полноты лишь в единстве тождества с разностью, и тем самым состоит только в этом единстве» [7].

Мышление, как оно трактуется в философии, есть мышление рефлексивное, оно «видит» самого себя, оно не застревает на «точке зрения», подобно позитивизму в любой его форме, любую свою позицию выковывает через разностороннюю критику.

Отсутствие абсолютных измерений приводит к релятивизму и плюрализму позиций. Поиск этих абсолютных измерений критического мышления (если оно — мышление) должен идти по классической линии в истории философии. Поскольку до сих пор не выкристаллизовалось универсального (абсолютного) меры оценки критического мышления, то представляется целесообразной ретроспектива философских взглядов Платона и Аристотеля, Декарта и Лейбница, Канта и Гегеля — вот точки, через анализ которых легко войти в любую прочую философию, в любую форму мышления, не утрачивая при этом масштаб целого. Эти великие философы демонстрировали глубокое понимание критического мышления.

Гегель не был бы Гегелем, если бы избежал критики. К. Поппер, апологет критического мышления XX века, обрушивается мощной критикой на классика немецкой философии: «Слава Гегеля была сотворена людьми, предпочитавшими быстрое посвящение в глубокие секреты этого мира трудоемким процедурам науки, которые только разочаровывали их своей неспособностью сразу раскрыть все тайны. Эти люди, столкнувшись с гегелевской диалектикой — загадочным методом, заменившим «бесплодную формальную логику», — сразу же поняли, что нет другого такого метода, который столь легко можно было бы

применить к решению любой проблемы, создавая вместе с тем видимость преодоления колоссальных сложностей. Именно применение диалектики давало гарантированный успех, который можно было использовать с малой затратой сил и весьма скудными научными знаниями ... Успех Гегеля положил начало «веку нечестности» (как охарактеризовал период немецкого идеализма А. Шопенгауэр) или «эре безответственности ...»

Усматривая в Гегеле главного врага открытого общества, Поппер приводит пример жюльнического трюка, проделанного диалектикой в оправдание социального неравенства: то, что граждане перед законом равны — этого Гегель не отрицает, но сам факт существования законов, по сути своей, предполагают состояние неравенства. Государство и законы — это тавтология. «Как раз высокое развитие и культура новейших государств порождают в действительности величайшее конкретное неравенство индивидуумов...».

Далее Поппер пишет: «Действительно, есть люди, которые все еще верят в искренность Гегеля или все еще сомневаются, а вдруг его секрет все же заключается в глубине и богатстве мысли, а не в ее пустоте» [8].

К. Поппер, в отличие от Гегеля, не видит истинных причин недостижимости открытого общества, его критика построена на эмоциях и на концентрации внимания лишь на внешней стороне предмета, чем страдает рассудочное мышление. Поппер не различает абстрактного и конкретного. Что касается упрека применения диалектического метода с расчетом на гарантированный успех с наименьшими затратами сил — так ведь это есть не что иное, как принцип эволюции, которая усилиями науки приобрела статус глобальной. Поэтому критика Гегеля и всей диалектики в его лице в скудости научных знаний — совершенно неаргументированная. Философская прозорливость Гегеля воплотилась в синергетике, системном подходе, системном анализе. Именно позитивизм с его нескончаемой сменой позиций — от позитивизма О. Конта (догматический позитивизм), через эмпириокритицизм и неопозитивизм (логический позитивизм), до постпозитивизма К. Поппера с его принципом фальсификации — демонстрирует жонглерство и эквилибристику, не имея прочной основы.

К тому же постнеклассическая рациональность, включающая в рациональность интуицию, неопределенность, дополнительность, инсайт (озарение) и прочие прагматические характеристики вплоть до вдохновения — вообще снимает все ограничения аргументации: любой факт можно как опровергнуть, так и доказать. Разве это не жюльничество, в котором Поппер упрекает диалектическую логику? Без прочной опоры в структуре мышления невозможно создать теории. Возможны только беспорядочные метания и топтания по бескрайнему полю наличных представлений.

Развитие философии уже давно разработало модель структуры мышления, называемую логикой. Но не та логика как схема построения формально-непротиворечивых цепочек терминов, а наука о законах мышления, которая с давних времен получила название диалектики, которая глубиной осмысления Гегелем сделалась и теорией, и методом познания. В течение нескольких веков диалектика не металась из крайности в крайность, не уничтожала предшествующих идей в поисках искусственных подпорок, а лишь всматривалась в себя, оттачивая острие самокритики. Размежевание диалектики на две противоположные формы — материалистическую и идеалистическую — лишь подтверждение объективности требования критицизма, как могучей силы, заложенного Кантом.

«А что, если?...» — основной вопрос критического мышления. Означает выработку точки зрения по определенному вопросу и способность отстоять эту точку зрения логическими доводами. Для этого вида мышления необходимо внимание к аргументам оппонента и их логическое осмысление. Вот тут-то и формируются противоположные

подходы к сущности критического мышления между позитивизмом и диалектической логикой.

Э. В. Ильенков, отстаивавший материалистическую диалектику, внес большой вклад в развитие и обогащение отечественной философии. Диалектически анализируя и органически соединяя Гегеля и Маркса, он выводит сущность критического мышления через природу конфликта «между ограниченно-верным формализмом, с одной стороны, и конкретным богатством реального предмета, с другой». Предметом критического мышления в диалектической логике выступает конфликт между абстракцией мышления и конкретностью объекта в мышлении, что и представляет собой диалектику, противоречивость самого объекта [9].

Для Ильенкова одним из критериев культуры мышления выступает способность выявлять противоречие как крайнее отношение противоположностей и разрешать его. Эта мыслительная процедура выражается в умении полемизировать с самим собой. В этом различении объективно, неразрывно существующих противоположностей, составляющих сущность предмета, и выражается в основанном на разуме мышление. Диалектически мыслящий человек умеет взвешивать все достоинства и недостатки вещи при изменении условий и обстоятельств, умеет моделировать различные ситуации (тут уж не упрекнешь человека в ущербности научных знаний!) Человек же, не-диалектически мыслящий, выдвигающий лишь аргументы в защиту своего непротиворечивого тезиса, всегда терпит поражение от оппонентов. Игнорирование реальных обстоятельств приводит такое мышление к «тощей абстракции», которая выдается за абсолютную истину, как «непротиворечивый» внутри себя тезис. Не-диалектически мыслящее сознание не выдерживает противоречия, способно видеть только положительную (позитивную), внешнюю сторону предмета.

Высшая «правильность» мышления, по Гегелю, — это «повиновение верховному закону мышления» — удерживать диалектическое противоречие (столкновение двух тезисов, взаимно предполагающих и одновременно взаимно исключаящих друг друга). Таким образом, диалектическое мышление подразумевает критическое мышление.

Критика Канта Гегелем заключалась в противопоставлении субъекта внешнему миру, объекту, поэтому мир непостижим мышлением. У Гегеля же, наоборот, субъект тождествен объекту, и эта тождественность устанавливается именно мыслительной способностью человека.

Противоречие, на который все время наткнулся Кант в бессилии его осмыслить и поэтому названный им «диалектической иллюзией», — это и есть всеобщий принцип и всеобщая форма развития мысли, реализованной в культуре: науке, теории, искусстве, технике. И, словно демонстрируя вершину критического мышления, Гегель в правильном отношении расставляет диалектическое противоречие и запрет на противоречие: закон мышления — диалектическое противоречие, а запретность противоречия — иллюзия мышления. Все встало с головы на ноги. Система Гегеля красноречиво и убедительно показывает, цивилизация есть продукт борьбы противоречий идей, взглядов, научных концепций, а не запреты «категорического императива» и не «запрет противоречия». Г. В. Лобастов совершенно справедливо бросает упрек современному способу мышления: «Не логика Гегеля виновата в тупиках сегодняшней действительности, а как раз наоборот — отсутствие диалектической логической способности в составе действующей человеческой субъективности» [10].

Тупики сегодняшней действительности наращивают свою мощь. Критика К. Поппера, направленная и против диалектики, и против логического позитивизма, выдвигает «некий

общий метод», который применим и к философии, и ко всякой науке. Это метод рациональной дискуссии. «Метод, который я имею в виду, заключается в ясной, четкой формулировке обсуждаемой проблемы и в критическом исследовании различных ее решений». Опять тупик: что может служить критерием «ясности и четкости» проблемы, что может служить твердой опорой для выявления содержательной стороны проблемы? Не оставив разумному мышлению, различающему противоположности, никакого шанса, обрекая тем самым мышление на беспомощное барахтанье в сетях позитивизма, невозможно осмыслить проблему. В основе «метода рациональной дискуссии» Поппера располагаются рациональность и критичность: «Какое бы решение некоторой проблемы мы ни предлагали, мы сразу же самым серьезным образом должны стараться опровергнуть это решение, а не защищать его». По сути, этой фразой Поппер выразил концепцию «принципа фальсифицируемости». Как видно, задача критики заключается в том, чтобы утвердить свои позиции как безоговорочного принципа мышления, а не выявить истину, заложенную в противоположности и противоречии предмета. Несомненно, идея фальсифицируемости возникла как результат критического отношения к индукции и в определенной мере реабилитировала метафизику в научном познании.

Концепцию критического рационализма с его ограничениями и погрешимостью разума Карл Поппер вводит в ранг «сократовского разума», которому присуща интеллектуальная скромность. И, наоборот, фанатическая вера в непогрешимость разума объявляется философом интеллектуальной дерзостью, сомнением. Такое основание полагается для анализа этической стороны критического мышления. Таким образом, взяв на вооружение этику в качестве дополнительного основания, Поппер выводит отрицание истины: если нет твердой опоры для размышления, то и истинных выводов нельзя построить.

Иным путем — философией децентрации — Ж. Деррида также доводит до экстремы метод сомнения Декарта: критике подвергается все без исключения, оправдывая философские заблуждения современников их метафизической традицией мышления. Итогом размышлений о характере критического мышления позитивистов всех поколений можно сформулировать тезис: критике должны подвергаться мнения, воспринимающие только тождество, и не видящие (игнорирующие) противоположности предмета мышления. Все их попытки найти критерии науки представляют собой манипулятивные «технологии», это соревнование внешней эффективности софистических практик, направленных на разрушение бытийной стороны образовательного процесса, на деонтологизацию мысли. Современный образовательный процесс тонет во всевозможных педтехнологиях, где показателем эффективности служат внешние признаки: активность обучающихся в ролевой игре, лидерство в группе, аргументация своей позиции. Все это позерство и софистика лишь консервируют в студенте некритичность мышления, обыденность сознания. В таких «интерактивных формах» нет места формированию метода познания, потому что так называемая «критика» служит лишь утверждением «эгоцентризма детского мышления», о чем предупреждал Пиаже: «Эгоцентризм — разновидность систематической и неосознанной иллюзии познания, форма первоначальной центрации ума, когда отсутствуют интеллектуальная релятивность и реципрокность. С одной стороны, эгоцентризм означает отсутствия понимания относительности познания мира... С другой стороны, это позиция неосознанного приписывания качеств собственного «я». Это непосредственное отношение к объектам, где субъект, не может выйти из «я», чтобы найти свое место в мире отношений, освобожденных от субъективных связей» [11].

Если позитивисты критическому мышлению отводят роль искусственного регулятора процесса познания, то для диалектического метода познания критическое мышление служит

прочным фундаментом. Сила этого метода мышления заключается в прогнозировании будущих событий, поскольку всегда в неразрывном единстве схватывает и удерживает положительное и отрицательное. Человек не может с полной определенностью предвидеть изменений внешних условий, подобно животному с его инстинктами. Глубокий и всесторонний анализ возможных изменений вооружает человека знанием, предупреждает отрицательные следствия принимаемых решений. Главным средством тут является связь между мышлением и знанием.

В книге «Диалектика разумной формы и феноменология безумия» Г. В. Лобастов пишет: «...гегелевское понятие „мышление“, кажущееся на первый взгляд ... недопустимо широким, оказывается на поверку лишь более глубоким и серьезным пониманием действительного человеческого мышления, более близким к истине, нежели представления „здравомыслящих“ позитивистов и позитивистиков» [10].

Философия Г. Гегеля — это образец критического мышления. Гегелевские фразы всегда служили мишенью для копий формальной, т. е. поверхностной, «критики» его концепции. Такая «критика» была далека от конструктивной, потому что даже не утруждала себя понять тот реальный предмет, который был выражен великим философом и имела единственной целью дискредитировать его. Вся философия Гегеля представляла собой мышление о мышлении. Как же определить мышление?

И делает это через критическое отношение к известным в этой области представлениям, не объявляя их «ложными», по призыву Поппера, а воспринимая их как не лишенных смысла, но недостаточные. Когда психологи ставят мышление в один ряд с такими психическими процессами, как память, воля, интерес и т. д., то такой подход философами подвергается критике. Например, отождествление мышления и речи в силу своей очевидности. И такой «естественный» подход к пониманию мышления служит основой разнообразных теорий логики. Именно это искаженное понимание мышления эксплуатировали софисты. Неопозитивисты просто протянули софистический принцип словесных манипуляций до настоящего времени, лишь «облагородив» их околонучной формой выражения. Но по сути-то ничего не меняется. Древний предрассудок, в соответствии с которым «мышление» можно и нужно исследовать только в словесной форме его «внешнего обнаружения». Лобастов: «... мышление» начинает толковаться тут ... как процедура „построения высказываний“ и „систем высказываний“, а „размышление“ стараются представить как «исчисление высказываний». Все очень просто, все очень складно, но столь же и убого» [10].

Поскольку мышление здесь представляется вторичным по отношению к языку, то совершенно понятно, что оно не может уместиться в языке, в какие бы одежды этот язык ни рядился: будь то «язык танца», «язык науки», «язык живописи». И все многообразные проявления мышления, не охваченные узкой логикой языка, было отправлено в другие науки, например, психологию или семантику, семиологию, семиотику.

В этом-то и состоит главная заслуга Гегеля перед цивилизованным человечеством: глубочайший критический анализ феномена мышления, по сути, наносит сокрушительный удар по неопозитивистскому (формальному) подходу к толкованию мышления. Мышление — это не «языковые структуры», это огромный сплав факторов, не связанных с логикой. Логика не может служить основой мышления, она — лишь свод правил, которые можно произвольно менять по субъективной воле.

Вместе с тем необходимо отдать должное критическим принципам Гегеля: философская позиция Гегеля была настолько широка, что она включала в себя неопозитивистские представления о мышлении, но лишь как моменты его. Более того, он

даже находит основания для оправдания устаревших предрассудков и фантазий о природе мышления. Ему как истинному диалектику это было необходимо как «момент» абсолютной истины, а не как всю истину в целом. Бесспорно, приобщение к принципам анализа великого философа не оставляет сомнения в том, что Гегель — это образец критического мышления.

Гегелевские фразы о «боге», понимаемые примитивным сознанием как буквальные, К. Марксу — материалисту — не помешали взять идеалистическую диалектику Гегеля за основу своей философской концепции: «Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее всеобщих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно» [12].

Однако, возражая Марксу, необходимо отметить, что мышление, о котором говорит Гегель, обнаруживает себя в делах человеческих отнюдь не менее очевидно, чем в словах. Неслучайно философ в свою систему вводит категорию Абсолютного духа для обозначения наиболее развитой формы бытия Абсолютной идеи, т.е. как всей человеческой истории, воплощенной в «телах цивилизации, включая сюда орудия труда и храмы, статуи и канцелярии, фабрики и политические организации, государства и правовые системы, корабли и детские игрушки — все, с чем имеет дело человек с момента его рождения и вхождения в семью человечества» [12]. Гегель тут не расходится с материалистом Марксом.

Гегель видит и понимает, что в именно делах, в изготовлении вещей человек обнаруживает свою способность мыслить, а не в словесной рефлексии о своем собственном мышлении.

Следуя диалектике Гегеля, то действия людей, в результате которых создаются вещи, и нужно рассматривать как «внешние формы обнаружения» мышления, как акты «опредмечивания» мысли. Такой подход к анализу мышления подрывает прежнюю формальную логику Аристотеля. Но отсюда вовсе не следует, что Гегель отрицает значение логики в составе обнаружения мышления, он просто отстаивает право других, не менее важных, форм проявления «наличного бытия» мышления, тем самым заложив основы системного мышления. Именно диалектика Гегеля, проявившая всю свою силу в критике формально-логического (словесного) подхода к природе мышления генерировала системный подход, системный анализ и всю синергетику, претендующую сейчас на статус общенаучной парадигмы.

Э. В. Ильенков, гегельянец по сути, справедливо критикует Гегеля а его идеалистическую позицию. С одной стороны, рассматривая все формы человеческой культуры как формы внешнего проявления способности мыслить, он не задается вопросом о природе мышления. Отсюда — панлогизм Гегеля: весь мир — это мышление в «чистых», «абсолютных» формах человеческого мышления. Откуда берется эта способность человека мыслить? Для Гегеля–идеалиста ответ очень простой: ниоткуда, она ничем не обусловлена, это — абсолютная врожденная способность. Мышление лишь обнаруживает себя в конкретных формах.

Маркс переворачивает гегелеву схему «логических фигур», меняя местами предметную деятельность человека и языковые схемы в мышления: мысль «опредмечивается» в деятельности, а затем она фиксируется «логическими схемами» формальной логики как схемы реальной деятельности. Таким образом, формы деятельности порождают слова и термины.

Так, материалистическая интерпретация идеалистической диалектики Гегеля делает предметом мышления не «знаки», вещи, порожденные духом, а внешние по отношению к сознанию вещи. Мышление противоположными категориями вновь подтверждает конструктивную силу критического мышления.

Современный «образованный читатель» уверен, что обладает критическим мышлением так же, как логикой. Таких поборников «здорового смысла» развелось много в педагогике. Если обратиться к педагогическим статьям на данную тему, то окажется невозможным вычленив универсальные (объективные) критерии критического мышления. Субъективизм обыденного мышления в этом отношении не дотягивает даже до формальной логики. Диалектическая логика пугает, поэтому позитивизм притягателен: что вижу, то и понимаю. Позитивное мышление раздражает диалектическое «изнаночное» толкование «абстрактного» и «конкретного». Гегель: «Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна», Истина заключается ... в непрекращающемся процессе все более глубокого, все более расчлененного на детали, все более «конкретного» постижения существа дела. А «существо дела» нигде и никогда не состоит в простой «тождественности» вещей и явлений друг другу. Диалектическое мышление осознает, что действительная «всеобщность» таится вовсе не в тождестве одной вещи другой, а в неизбежном превращении каждой вещи в ее собственную противоположность. Противоположности «дополняют» одно другое «до целого», поскольку каждое из них содержит такой «признак», которого другому как раз недостает, поэтому «целое» всегда оказывается единством взаимоисключающих и взаимопредполагающих сторон, моментов. Отсюда Гегель выводит простой и в то же время гениальный критерий истины, который до сих пор не могут найти позитивисты: «Противоречие есть критерий истины, отсутствие противоречия — критерий заблуждения». «Всякое развитие протекает, согласно Гегелю, по определенной схеме: утверждение, или полагание (тезис), отрицание этого утверждения (антитезис) и, наконец, отрицание отрицания, снятие противоположностей (синтез). В синтезе как бы примиряются между собой тезис и антитезис, из которых возникает новое качественное состояние.

Ответ на вопрос о критериях критического мышления дает философ Г. В. Лобастов. Анализируя диалектику Гегеля и материализм Маркса, он коротко и точно отвечает: критическое мышление есть диалектическое мышление. Мышление зависит от предмета. Собственные же принципы мышления могут быть только формальными, т. е. выражающими предельные абстрактно-всеобщие формы осуществимости мыслительного процесса внутри содержания предметной действительности. Поэтому они безразличны к этому содержанию. И, тем не менее, они должны быть всеобщими формами именно предметного содержания».

Особенностью подхода к формированию критического мышления студентов направления Агроинженерия выступает то обстоятельство, что разнообразие лабораторного оборудования, материальной учебной базы, наличие учебного хозяйства способствует реализации данной педагогической задачи в непосредственной предметной деятельности студентов. И это обстоятельство необходимо учитывать преподавателям специальных дисциплин, что с объективной необходимостью обусловит междисциплинарные связи с философией, что в свою очередь, обеспечит прочное овладение не только универсальными, но и профессиональными компетенциями представителей современных профессий аграрного сектора экономики.

Список литературы:

1. Ильенков Э. В. К вопросу о природе мышления (на материалах анализа нем. классич. диалектики): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1968. 32 с.
2. Порус В. Н. Спор о научной рациональности // Философия науки. 1997. №3. 239 с.
3. Ивунина Е. Е. О различных подходах к понятию «критическое мышление» // Молодой ученый. 2009. №11. С. 170-174.
4. Фреге Г. Логика и логическая семантика. М.: Аспент пресс, 2000. 511.

5. Грифцова И. Н. Логика как теоретическая и практическая дисциплина. К вопросу о соотношении формальной и неформальной логики. М.: Эдиториад УРСС, 1998. 152 с.
6. Лобастов Г. В. Методическое пособие для аспирантов «История и философия науки». М.: Московский гос. ин-т электронной техники, 2009. 41 с.
7. Гегель Г. В. Наука Логики. М.: Наука, 1997. 800 с.
8. Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, 1992. 448 с.
9. Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. М.: Политиздат, 1968. 317 с.
10. Лобастов Г. В. Диалектика разумной формы и феноменология безумия. М.: Русская панорама, 2012. 560 с.
11. Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2003. 192 с.
12. Ильенков Э. В. Философия Гегеля и современность. М.: Мысль, 1973. С. 120-144.

References:

1. Penkov, E. V. (1968). K voprosu o prirode myshleniya (na materialakh analiza nem. klassich. dialektiki): autoref. Dr. diss. Moscow, 32.
2. Porus, V. N. (1997). Spor o nauchnoi ratsional'nosti. *Filosofiya nauki*, (3), 239.
3. Ivunina, E. E. (2009). O razlichnykh podkhodakh k ponyatiyu kriticheskoe myshlenie. *Molodoi uchenyi*, (11), 170-174.
4. Frege, G. (2000). Logika i logicheskaya semantika. Moscow, Aspent press, 511.
5. Grifsova, I. N. (1998). Logika kak teoreticheskaya i prakticheskaya distsiplina. K voprosu o sootnoshenii formal'noi i neformal'noi logiki. Moscow, Editoriad URSS, 152.
6. Lobastov, G. V. (2009). Metodicheskoe posobie dlya aspirantov Istoriya i filosofiya nauki. Moscow, Moskovskii gos. in-t elektronnoi tekhniki, 41.
7. Gegel, G. V. (1997). Nauka Logiki. Moscow, Nauka, 800.
8. Popper, K. (1992). Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. Moscow, Feniks, 448.
9. Penkov, E. V. (1968). Ob idolakh i idealakh. Moscow, Politizdat, 317.
10. Lobastov, G. V. (2012). Dialektika razumnoi formy i fenomenologiya bezumiya. Moscow, Russkaya panorama, 560.
11. Piazhe, Zh. (2003). Psikhologiya intellekta. St. Petersburg, Piter. 192.
12. Penkov, E. V. (1973). Filosofiya Gegelya i sovremennost'. Moscow, Mysl', 120-144.

*Работа поступила
в редакцию 06.04.2019 г.*

*Принята к публикации
10.04.2019 г.*

Ссылка для цитирования:

Поляруш А. А. Философско-педагогическое осмысление универсальной компетенции «критическое мышление» выпускниками агроуниверситета // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. №5. С. 499-511. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/42/74>.

Cite as (APA):

Polyarush, A. (2019). Philosophical and Pedagogical Understanding Universal Competence 'Critical Thinking' Graduates of the Agrarian University. *Bulletin of Science and Practice*, 5(5), 499-511. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/42/74>. (in Russian).